

энциклопедии, изданные во многих субъектах Российской Федерации. Очерки о местной геральдике стали в них практически обязательными, причем часто публиковалось несколько статей, разделенных по хронологическому или статусному принципу¹⁴⁵⁸. Это свидетельствует о социальной значимости геральдического знания в современном обществе.

Активное развитие территориального герботворчества, постоянная модификация знаковой системы, повышение правового статуса герба создали основу для стабильного развития соответствующего раздела дисциплинарного знания на рубеже XXI–XXI в.

§ 4. Изучение родовой и корпоративной геральдики

Изучение родовой геральдики в 1990-е гг. происходило в тесной связи с реабилитацией дворянства, становлением современного дворянского движения, развитием генеалогии, уточнением роли и места благородного сословия в истории и культуре России. Рост числа публикаций подобной тематики начался в 1992 г., но их численность незначительно превышала количество работ о государственной символике и существенно уступала текстам о территориальных гербах. Это свидетельствует о недостаточности исследовательских усилий, уделявшихся разделу. На ситуацию повлияло, видимо, отсутствие общественной потребности, поскольку попытки возобновления института частных гербов не нашли широкого распространения. Не сформировалась пока новая научная идея, которая определяла бы изучение данной страты геральдического пространства.

¹⁴⁵⁸ *Наумов О.Н.* Геральдика Воронежской губернии // Воронежская энциклопедия. – Т. 1. – Воронеж, 2008. – С. 199; *Юрасов А.Н.* Геральдика и символика Воронежской области // Там же; *Ражнев Г.В.* Гербы городов Смоленщины // Смоленская область: энциклопедия. – Т. 2. – Смоленск, 2003. – С. 89–91; *Туник Г.А.* Гербы городов и районов Челябинской области // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск, 2003; *Кошелев А.В.* Герб. Городская символика // Энциклопедия Новосибирска. – Новосибирск, 2003. – С. 195–196, 217; Герб государственный // Башкирская энциклопедия. – Т. 2. – Уфа, 2006. – С. 266; *Рахимов Р.Н., Хусаинова Г.Т., Шаяхметов И.Г.* Гербы // Там же. – С. 267–269; *Димитриев В.Д., Ткаченко В.Г.* Герб // Чувашская энциклопедия. – Т. 1. – Чебоксары, 2006. – С. 408–409; *Бунтов С.Д.* Герб государственный // Удмуртская республиканская энциклопедия. – Ижевск, 2008. – С. 270 и др.

Структура современного знания о родовой геральдике имеет особенности. Это направление состоит из работ о конкретных гербах, их группах, об общей истории и формальных аспектах. Однако если не принимать во внимание переиздания, пока еще недостаточно публикаций источников, справочников (гербовников), монографических работ.

Некоторый прогресс был достигнут в области эвристики благодаря подготовке сводного указателя родовых гербов, внесенных в «Общий гербовник», «Гербовник дворянских родов Царства Польского» и «Сборник дипломных гербов»¹⁴⁵⁹. Он основывался на соответствующих перечнях В.К. Лукомского и С.Н. Тройницкого и существенно облегчал поиск сведения об утвержденных гербах.

Однако в целом из всех разделов геральдического знания именно ситуация с доступностью родовых гербов обстоит наименее благополучно. В научный оборот не введен полный корпус даже утвержденных гербов. Частичная публикация архивных частей «Общего гербовника»¹⁴⁶⁰ не разрешила проблему как из-за отсутствия всех рисунков, так и из-за низкого археографического уровня подготовки. Дипломные гербы по-прежнему практически недоступны. Целенаправленной работы по собиранию неутвержденных гербов не ведется.

Тем не менее, достигнут некоторый прогресс в публикации вещественных памятников с изображениями гербов. Опубликованы геральдические надгробия из собрания Государственного музея городской скульптуры в Санкт-Петербурге и из некрополя Ново-иерусалимского монастыря, многие из бытовавших в России экслибрисов и суперэклибрисов с гербами, фрагменты коллекции фарфора Государственного Эрмитажа и т. д.¹⁴⁶¹. Отсутствие обще-

¹⁴⁵⁹ Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим Сенатом Временного Правительства России. – СПб., 2004.

¹⁴⁶⁰ Борисов И.В. Дворянские гербы России...

¹⁴⁶¹ Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010; Геральдика на русском фарфоре. – СПб., 2008; Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры: научный каталог. – СПб., 2004–2006. – Т. 1–3; Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. – М., 2006. – С. 232–242; Мемориальная геральдика: коллекция дворянских гербов в собрании Государственного музея городской скульптуры. – СПб., 2010; Гребенюк Т.В. Владельческие книж-

российской справочно-информационной системы по родовой геральдике компенсируется проектами об издании гербовников региональных дворянских корпораций, в частности, «Псковского гербовника»¹⁴⁶².

В 1990-е гг. предпринимались попытки уточнить представления о генезисе родовой геральдики. Были выявлены новые данные о бытовании гербов, принадлежавших в XVII в. не только дворянам, но и купцам, духовенству¹⁴⁶³. Изучались изображения, приложенные к родословным росписям, поданным в конце XVII в. в Палату родословных дел¹⁴⁶⁴. Их иконографическая и терминологическая связь с польской традицией подтвердила тезис о существенном влиянии культуры этой страны на становление русского геральдического пространства. Выяснилось, что в последней четверти XVII в. возник интерес к геральдике, дворянство было готово к усвоению гербов, но процесс тормозился отсутствием специального учреждения, которое занималось бы герботворчеством. Стали известны сведения о конкретных гербах, созданных в последней четверти XVII в.¹⁴⁶⁵

Предпринимались попытки концептуального изучения генезиса родовой геральдики. Однако они сводились к повторению известных ранее фактов, заимствованных из опубликованных еще в XIX в. источников, и тривиальному выводу – «фамильный герб не-

---

ные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки: каталог. – М., 2010–2013. – Кн. 1–3 и др.

¹⁴⁶² Карамышев О.М. Несколько строк о российской дворянской геральдике (к проекту «Псковский гербовник» // Карамыш. – М., 2012. – С. 125–134.

¹⁴⁶³ Тимошина Л.А. Гербовые печати гостей Панкратьевых в конце XVII в. // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник, 1999 г. – М., 2000. – С. 416–425; Мурзин-Гундоров В.В. Герб патриарха Никона – символ Русской Православной Церкви // Обсерватория культуры. – 2007. – № 3. – С. 124–129.

¹⁴⁶⁴ Бычкова М.Е. Гербы русских дворян конца XVII века // Гербовед. – 1997. – № 19. – С. 104–109; Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. – СПб., 2006. – С. 476–479.

¹⁴⁶⁵ Бычкова М.Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. – 1993. – № 4. – С. 33–42; Богданов А.П. Русская «Генеалогия» XVII века // ИГ. – 1994. – Вып. 3. – С. 60–63; Римский-Корсаков И.А. Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских. – М., 1994. – С. 134–143; Мурзин-Гундоров В.В. Геральдическая чаша князей стародубских из коллекции Оружейной палаты Московского Кремля // Гербовед. – 2007. – № 99. – С. 75–80.

редко являлся генеалогическим памятником»¹⁴⁶⁶. При этом начальному периоду, несмотря на признание самобытности, давались самые уничижительные характеристики – беспорядочный, избыточный варваризмами, эклектичный по «геральдическим приемам» и т. д. Негативные суждения были обусловлены методологической несостоятельностью исследований, оценивавших становление геральдического пространства с современных, модернистских и даже этатических позиций.

В контексте источниковедения и дипломатики изучался процесс подтверждения и редактирования дворянских гербов в первой четверти XVIII в, когда генезис родовой геральдики в России продолжался уже на основе европейской традиции¹⁴⁶⁷.

Гербам отдельных родов на рубеже XX–XXI в. было посвящено более 100 работ. В отличие от дореволюционной традиции среди них не преобладали публикации об аристократии. Наряду с эмблематикой титулованного (среди них были Рюриковичи, Гедиминовичи, семьи, жалованные титулами)¹⁴⁶⁸ и древнего¹⁴⁶⁹ дворянства предметом изучения стали гербы иностранных родов, служивших в России¹⁴⁷⁰, а также

¹⁴⁶⁶ Медведев М.Ю. Родовые предания в русской геральдике // ИРГО. – 1996. – Вып. 5. – С. 28–33; Вып. 6. – С. 63.

¹⁴⁶⁷ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М., 1999. – С. 21–58, 125–140.

¹⁴⁶⁸ Думин С.В. Герб князей Гедройц // ЛИРО. – 1995. – Вып. 3. – С. 73–76; Космолинский П.Ф. Герб графов Кушелевых-Безбородко // Гербовед. – 2001. – № 53. – С. 146–149; Наумов О.Н. Герб князей Хилковых // Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. – Екатеринбург, 2008. – С. 34–40; Наумов О.Н. Герб князей Хованских // Хованский С.А. кн. Князья Хованские. – М., 2007. – С. 370–375 и др.

¹⁴⁶⁹ Русина О.Н. Последние Стрешневы и их герб // ВИД: высшая школа... – С. 131–132; Вельяминов Г.М. Герб рода Вельяминовых // Гербовед. – 1996. – № 12. – С. 98–101; Космолинский П.Ф. Герб Петра Андреевича Кикина // Там же. – 1999. – № 36. – С. 58–60; Князькин В.В., Наумов О.Н. Иконография герба Апраксиных // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 2001. – С. 216–217; Кулешов А.С., Наумов О.Н. Род и герб Аксаковых // Гербовед. – 2005. – № 84. – С. 116–124; Ражнев Г.В. О гербе рода Глинок // Новоспасский сборник. – Вып. 2. – СПб., 2006. – С. 92–99 и др.

¹⁴⁷⁰ Думин С.В. Герб рода Реми // Гербовед. – 1995. – № 7. – С. 39–46; Он же. Род Лесли // Смоленское дворянство. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 89–104; Кочуров Р.Ю. Герб Михаила Леонтьевича Фалеева – основателя города Николаева // Там же. – 2000. – № 43. – С. 34–36; Рикман В.Ю. Герб российского рода Бедо // ИРГО. – 1997. – Вып. 7. – С. 89–90; Елинская М.М. Гербы дворян иностранного происхождения на территории Белоруссии // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2003. – С. 310–311; Федосов Д.Г. Гербы российских шотландцев //

семей, получивших дворянское достоинство¹⁴⁷¹. Особый интерес вызывали гербы Шереметевых и князей Голицыных, что было связано как с их известностью, так и с чрезвычайно развитой у них геральдической культурой¹⁴⁷². Объектом анализа несколько раз становился герб светлейшего князя А.Д. Меншикова – один из первых русских знаков, составленных по правилам европейской геральдики¹⁴⁷³.

Символика родов, получивших дворянский статус в XVIII–XIX вв., начала анализироваться только в последнее время. В теоретическом отношении такое расширение тематики означало окончательное признание познавательной и источниковедческой ценности за символикой всех слоев сословия, в том числе и за теми, которые традиционно игнорировались. Интерес к гербам иностранных родов демонстрировался стремлением к осмыслению русско-европейских геральдических связей.

Значительное количество работ касалось герба династии Романовых, а также родов, связанных с ней матримониальными отно-

---

Signum. – Вып. 3. – М., 2005. – С. 135–160; Андриеш-Табак С. Герб рода Дическул // Гербоведение. – Т. 2. – М., 2012. – С. 81–91.

¹⁴⁷¹ Добровольская М.А. Печати рода Демидовых в Эрмитаже // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 1996. – С. 104–106; Софронов В.Ю. Сибирский кедр – символ рода сибирского // Гербовед. – 1999. – № 37. – С. 79–84; Бер-Глинка А.И. Гербы родов Бер в контексте социальной и эмблематической истории дворянства // Гербоведение. – Т. 2. – М., 2012. – С. 92–102.

¹⁴⁷² Смирнова Т.Н. Герб рода графов Шереметевых // Гербовед. – 1995. – № 8. – С. 56–70; Она же. Герб рода графов Шереметевых. История создания и типология // Московские шереметевские чтения. – М., 1993. – С. 9–18; Она же. Геральдическое наследие в шереметевских усадьбах (Кускове, Останкине, Фонтанном доме) // Русская усадьба. – Вып. 9. – М., 2003. – С. 83–93; Сахаров И.В. Эклибрис графини А.С. Шереметевой // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: материалы VIII Международной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 112–123; Кузьмина Н.Д. Герб князей Голицыных // Мир Паустовского. – 2004. – № 21. – С. 182–184; Покровский Н.В. Изображение гербов князей Голицыных в усадьбе Кузьминки // Гербовед. – 2007. – № 99. – С. 81–84; Молчанова О.В. Герб графов Шереметевых на парадной мебели (по материалам коллекции Государственного исторического музея) // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 87–93 и др.

¹⁴⁷³ Вилинбахов Г.В. О гербе светлейшего князя А.Д. Меншикова // Петровское время в лицах. – СПб., 1999. – С. 5–6; Калязин Е.А., Ефимов С.В. Дворянские дипломы и гербы Александра Меншикова // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). – Вып. 1. – СПб., 2002. – С. 58–63; Алексеева М.А. Княжеские гербы А.Д. Меншикова // Петровское время в лицах – 2004. – СПб., 2004. – С. 19–23.

шениями или происходящих от нее по женским линиям¹⁴⁷⁴. Предпринимались попытки выделить формально-геральдические особенности символики этой группы, обусловленные, как было установлено, генеалогически¹⁴⁷⁵. У родов, происходивших от морганатических браков, имелись четкие эмблематические указания на происхождение от Романовых, а у семей, происходивших от внебрачных союзов, такая информация отсутствовала.

В методологическом отношении продолжалась досоветская традиция изучения генеалогически обусловленных геральдических мини-пространств. Такой подход использовался для анализа эмблематики Радшичей, потомства князя Патрикия Наримунтовича, князей Фоминских и др.¹⁴⁷⁶. Однако гербы объединялись не только по генеалогическому, но и по иным признакам, например, по профессиональному¹⁴⁷⁷. Последний подход нельзя признать методически удачным. Анализ выделенной исключительно формально общности не дает существенных результатов для понимания истории геральдического процесса.

Одним из самых популярных направлений в современной исторической науке стало изучение связей России с другими стра-

¹⁴⁷⁴ Думин С.В. Большой герб Ее Императорского Высочества Государыни Великой княгини Леониды Георгиевны // *Гербовед.* – 1998. – № 29. – С. 39–45; Дуров В.А. Личные гербы членов императорской фамилии // Там же. – 1993. – № 4. – С. 10–14; Паласиос Р. Родовой символ Романовых // 275 лет геральдической службы... – С. 39–48; Добровольская М.А. Печати П.К. Александрова в Эрмитаже // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 1998. – С. 210–211; Селицкий А.И. Родовой герб Романовых: проблема происхождения // Во имя России: спасительный путь государя Николая II. – Краснодар, 2004. – С. 29–41; Коробейник А. Тайны герба рода Романовых // *Исторический журнал.* – 2006. – № 6. – С. 42–73; Наумов О.Н. Гербы Романовых как феномен отечественной геральдики // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых): исследования, материалы. – СПб., 2012. – С. 319–332.

¹⁴⁷⁵ Рикман В.Ю. Гербы дворянских родов, происшедших от Российского Императорского Дома // *Гербовед.* – 1995. – № 7. – С. 60.

¹⁴⁷⁶ Хоруженко О.И. Гербы Пушкиных и их однородцев // Предки А.С. Пушкина. – М., 1999. – С. 66–75; Он же. Гербы потомства Патрикия Наримунтовича, князя Звенигородского // *Русский родословец.* – 2001. – № 1. – С. 25–36; Он же. Гербы потомков князей Фоминских // *Гербовед.* – 2005. – № 80. – С. 37–47.

¹⁴⁷⁷ Бордюговский А. Дворянские гербы российских литераторов // Новое книжное обозрение. – 1995. – № 6. – С. 17–18; Асин В. Биография в символике // *Морской сборник.* – 1996. – № 10. – С. 95–96; Бородаев Ю.С. Гербы российских флотоводцев // *Гербовед.* – 1996. – № 12. – С. 136–138.

нами, логически вытекавшее из стремления к освоению цивилизационной концепции. Применительно к гербоведению подобный прием модифицировался в анализ инокомпонента русского геральдического пространства. Наиболее последовательно такую методологию использовал С.В. Думин при анализе польских и литовско-татарских гербов¹⁴⁷⁸. Автор прослеживал процесс геральдизации родов этого происхождения, уточнял юридический статус польских гербов на территории Российской империи, соотносил категории официально признанных символов и реальной традиции. Весь круг названных проблем рассматривался на обширном фактическом материале, комплексно, и потому выводы представляют интерес для понимания механизмов функционирования гербовой практики Российской империи.

Другим направлением исследований стало изучение самобытной геральдики кавказских родов, прежде всего аристократических¹⁴⁷⁹. Особенностью этой группы было отсутствие официального утверждения, поэтому требовалась серьезная источниковедческая работа по выявлению иконографических вариантов, идентификации эмблем, установлению цветов, расшифровке семантики. Это выводило на важную проблему изучения самобытных родовых гербов.

Новыми в тематическом отношении оказались работы С.В. Думина, раскрывавшие процесс пожалования дворянских гербов членами династии Романовых в эмиграции¹⁴⁸⁰. В них сведения о гераль-

¹⁴⁷⁸ Думин С.В. Геральдика литовско-татарского дворянства XVI–XX вв. // Гербовед. – 1996. – № 10. – С. 14–29; Он же. Краткий гербовник татарской шляхты Великого княжества Литовского // Там же. – № 11. – С. 5–44; Он же. Польско-литовские родовые гербы в практике Департамента Герольдии Правительствующего Сената // Там же. – 2004. – № 73. – С. 10–21; Он же. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Gdańsk, 1999.

¹⁴⁷⁹ Абрамян Р.М. Герб Аргутинских-Долгоруких // Гербовед. – 1998. – № 29. – С. 65–67; Он же. Герб князей Бегтабеговых // Там же. – 2002. – № 1. – С. 79–80; Абрамян Р.М., Гулордава Д.А. Герб князей Абамелик и Абамелик-Лазаревых // Там же. – 2000. – № 44. – С. 59–65; Они же. Герб князей Амадуни // Там же. – С. 68–70; Думин С.В. Герб князей Туркестановых // Там же. – 1992. – № 2. – С. 41–51; Добровольская М.А. Печать князей Грузинских в коллекции Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 2002. – С. 32–33; Б[ердичевский] Я.[И.] Книжные знаки картлийского царя Кайхосро // Российский экслибрисный журнал. – Вып. 5. – М.; СПб., 2007. – С. 63–64 и др.

¹⁴⁸⁰ Думин С.В. Герб графов Толстых-Мирославских // Гербовед. – 1994. – № 5/6. – С. 50–56; Он же. Герб графов Вуичей. История утверждения // Там же. – 1996. – № 10. –

дической истории родов до 1917 г. органично дополнялись материалами из личных архивов русских эмигрантов, а хронологические рамки изучения родовой геральдики доводились до конца XX в.

Преимущественно источниковедческий аспект имела вновь поднятая проблема неутвержденных гербов. При сохранении методических основ переосмысливался прежний опыт: анализировалась деятельность В.К. Лукомского по собиранию самобытных изображений, публиковались сохранившиеся материалы¹⁴⁸¹. Попытки уточнить процесс генезиса самобытной геральдики оказались поверхностными, сводясь к историографическим экскурсам и поддержке одной из уже известных точек зрения¹⁴⁸².

В 1990-е гг. возобновилось полемическое обсуждение конкретных гербов. Наиболее ожесточенная дискуссия касалась герба дворян Львовых. Деятель современного дворянского движения В.Ю. Рикман, опираясь на наличие общих эмблем в гербах псковской ветви дворян Львовых и князей Львовых, доказывал их общее происхождение от Рюрика, которое, однако, не подтверждалось генеалогическими источниками¹⁴⁸³. Этот совершенно ошибочный тезис вызвал справедливые возражения С.В. Думина¹⁴⁸⁴, указавшего на то, что совпадение эмблем не является единственным доказательством родства и может выражать только претензии на таковое. В.Ю. Рикман не согласился с аргументами и продолжал настаивать свое бездоказательное мнение¹⁴⁸⁵, хотя дополнительных аргументов не привел.

С. 96–103; *Он же*. Герб князей Лопухиных // Там же. – 1997. – № 15. – С. 6–13; *Он же*. Лопухинская геральдика // *Краевский Б.П.* Лопухины в истории Отечества. – М., 2001. – С. 180–186.

¹⁴⁸¹ Неутвержденные дворянские гербы на гравированных портретах (по материалам В.К. Лукомского) // *Гербоведение*. – Т. 2. – М., 2012. – С. 147–158 и др.

¹⁴⁸² *Рикман В.Ю.* О неутвержденных гербах российского дворянства // *Гербовед.* – 1997. – № 15. – С. 52–54.

¹⁴⁸³ *Рикман В.Ю.* Загадка псковских Львовых // *Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма*. – М., 1991. – С. 212–213; *Он же*. Львовы: одна генеалого-геральдическая загадка // *Дворянское собрание*. – 1994. – № 1. – С. 188–196; *Он же*. Одна генеалого-геральдическая загадка // *Гербовед.* – 1994. – № 5/6. – С. 39–49.

¹⁴⁸⁴ *Думин С.В.* Реплика: Гербы князей и дворян Львовых // *Гербовед.* – 1996. – № 10. – С. 140–141.

¹⁴⁸⁵ *Рикман В.Ю.* Еще раз о псковских Львовых // *Гербовед.* – № 12. – С. 95–97. То же: ИРГО. 1996. – Вып. 6. – С. 101–103.

В 1990-х гг. развернулось обсуждение проблемы восстановления в России института частных гербов. Poleмика продолжалась несколько лет и, поскольку в качестве аргументов приводились факты, заимствованные из истории отечественного герботворчества и современной мировой практики, постепенно переросла прагматические рамки, приобретая значение научного факта. Впервые идею о возможности восстановления индивидуальных гербов высказал еще в 1990 г. В.П. Егоров, который предложил использовать зарубежный, в частности английский опыт¹⁴⁸⁶. С ним категорически не согласился И.В. Борисов¹⁴⁸⁷. Состоялся обмен мнениями¹⁴⁸⁸, в ходе которого четко были обозначены альтернативные подходы к разрешению проблемы. На протяжении 1990-х гг. вопрос о целесообразности восстановления родовой геральдики оставался открытым. Группа энтузиастов-любителей приступила к созданию индивидуальных гербов для всех желающих, однако составленные и «утвержденные» эмблемы никакого официального статуса не имели. Герботворчество сопровождалось полурекламными статьями в популярных журналах, разъяснявшими пользу родовой геральдики¹⁴⁸⁹, и публикациями о конкретных новых гербах¹⁴⁹⁰. По мере роста их числа возникло стремление придать родовому герботворчеству систематический вид, были сформулированы особые формальные правила¹⁴⁹¹. Они предлагали дополнить традиционную семантику элементов герба и геральдических фигур информацией о владельце, выражавшейся, в частности, астрологически¹⁴⁹².

¹⁴⁸⁶ Егоров В.П. Возрождаем родовую геральдику // Вестник геральдиста. – 1990. – № 1. – С. 15.

¹⁴⁸⁷ Борисов И.В. Несколько слов о геральдике // Вестник геральдиста. – 1990. – № 1. – С. 16.

¹⁴⁸⁸ Егоров В.П. Продолжаем разговор о личных гербах // Вестник геральдиста. – 1990. – № 2. – С. 18.

¹⁴⁸⁹ Пустовит А. Больше, чем визитная карточка // Огонек. – 1995. – № 34. – С. 88; Сазонов А. Живая геральдика // Полиграфист и издатель. – 2000. – Июль–август. – С. 110; Снопков С. Ваш собственный фамильный герб // Спутник. – 1996. – № 9. – С. 67–70.

¹⁴⁹⁰ [Сметанников И.С.] Герб поэта // Гербовед. – 1992. – № 1. – С. 43–44; Ларищев А.А. Герб крестьянского рода Анисимовых // Там же. – 2000. – № 43. – С. 62–63; Вевюрко И.С. История создания личного герба // Там же. – 1997. – № 15. – С. 90–91.

¹⁴⁹¹ Сметанников И.С. Кодекс Русской геральдической коллегии.

¹⁴⁹² Сметанников И.С. Астрологические аспекты в новом гражданском и корпоративном герботворчестве // Гербовед. – 1996. – № 10. – С. 106–113.

В конце XX в. обсуждение проблемы вступило в качественно новую стадию, когда было определено отношение государства к накопленному опыту. В феврале 1999 г. Геральдический совет при президенте РФ обсудил проблемы личной геральдики в России на специальном совещании¹⁴⁹³. Мнения участников мероприятия разделились: одни (А.Б. Деревщиков и др.) считали государственное регулирование родового герботворчества не только возможным, но и необходимым, другие (С.В. Думин) высказывались против существования данного института. Подчеркивалась мысль, что герб и до 1917 г., и после, в эмиграции, рассматривался и продолжает рассматриваться в качестве символа сословной принадлежности. Признавалось принципиальное отличие новых, недворянских гербов и старых, родовых, которые есть «родовое достояние», часть исторической традиции, что исключает возможность юридического равенства указанных групп. Вывод делался однозначный: «Нынешний государственный строй Российской Федерации исключает возможность официального пожалования гражданам от имени государства внешних признаков сословных привилегий...»¹⁴⁹⁴. Оппоненты, ссылаясь преимущественно на современную европейскую практику, настаивали на возобновлении института частной геральдики, видя в подобном начинании «стремление возродить отечественную традицию и органично ввести Россию в международный контекст, в сообщество геральдически цивилизованных держав»¹⁴⁹⁵. Тезис о гербе как атрибуте дворянского достоинства, тесно связанном с монархической формой правления, объявлялся предрассудком. Как считали некоторые, герб доступен «любому человеку независимо от происхождения». Аргументом в полемике служило использование гербов в республиканских государствах. Учитывался также политико-правовой аспект проблемы. Довод о том, что введенные явочным порядком современные гербы, не утвержденные официально, не имеют «никакой силы», опровергался тем, что они приобретают геральдико-правовую силу на основании употребления, а это требует государственного контроля. Вопрос о взаимоотношениях современных гербов с императорскими разрешался но-

¹⁴⁹³ Совещание по вопросам личной (родовой) геральдики...

¹⁴⁹⁴ Там же. – С. 18.

¹⁴⁹⁵ Там же. – С. 20.

вым толкованием декрета от 11 ноября 1917 г. об упразднении сословий. Предлагалось считать, что он отменил не сами гербы как социальную привилегию, а лишил их сословного характера. Вывод сторонников института индивидуальной геральдики был однозначен – «республиканское устройство и принципы равенства, отказа от сословности нисколько не противоречат ни существованию личной геральдики, ни деятельности государства в этой области»¹⁴⁹⁶. Одновременно предлагались визуальные отличия, которые можно ввести в новые гербы, например, для пограничников – «пограничный крест», древнерусский шлем и т. д.¹⁴⁹⁷. Функцией новой геральдики считалось отражение в специфической форме заслуг перед государством.

Таким образом, в ходе дискуссии четко обозначились два направления, которые можно назвать традиционалистическим, отрицавшим целесообразность реставрации, и модернистским, акцентировавшим зарубежную геральдическую практику и доказывавшим приемлемость родовой геральдики в современных условиях. В аргументации сторонников и того, и другого, было много субъективного, присутствовал тенденциозный отбор фактов и не всегда корректная их интерпретация. Несмотря на это, в познавательном плане, обмен мнениями имел позитивное значение, обозначив возобновление старой проблемы об идентификации национальной геральдики. В самой общей форме приобрел актуальность вопрос – должна ли в данном случае практика гербоведения следовать опыту тех государств, в которых существует официально контролируемый институт родовой геральдики. Учитывая административный ресурс модернистской точки зрения, в конце 1990-х гг. сложилась ситуация, в которой реставрационные процессы были очень ожидаемы¹⁴⁹⁸.

Однако изменение политических приоритетов власти, произошедшее вскоре после положительных выводов совещания 1999 г.,

¹⁴⁹⁶ Там же. – С. 26.

¹⁴⁹⁷ Там же. – С. 7.

¹⁴⁹⁸ В их контексте находилась кодификация личных гербов, разработанных Русской геральдической коллегией. Специальный номер журнала «Гербовед» содержал гербовник, который стал первым опытом обобщения недворянских гербов (Гербовед. – 1999. – № 35. – С. 5–157, 160–167), затем он был воспроизведен в качестве раздела книги (Под знаком золотой пчелы. – М., 2006. – С. 169–412).

помешало осуществить проект. Полного отказа от него не произошло, но на некоторое время проблема утратила привлекательность для официальных учреждений. Историографически она выразилась в немногочисленных и случайных статьях¹⁴⁹⁹ о разработке отдельных гербов. Для привлечения внимания к индивидуальному герботворчеству была проведена акция, в ходе которой были обнародованы современные гербы известных деятелей науки и культуры¹⁵⁰⁰. Необходимость родовых гербов пропагандировалась в массовых изданиях¹⁵⁰¹.

Специфической вариацией проблемы реставрации родовой геральдики стало предложение о введении в России личных гербов для церковнослужителей. Частным образом была разработана даже некая концепция¹⁵⁰² церковной геральдики. В ней перечислялись формальные элементы, которые должны указывать на владельца. Практические результаты этого начинания оказались ничтожны. В связи с 2000-летием Рождества Христова Русская геральдическая коллегия зарегистрировала 5 гербов иерархов и клириков Русской православной церкви. Церковной геральдики в России не сложилось.

Официально регулирование родовой геральдики было передано на откуп местным властям, что, разумеется, существенно снизило ее статус. В 2003 г. в Республике Марий Эл ввели государственную регистрацию личных и семейных гербов, но и там они не получили широкого распространения, хотя накопленный небольшой опыт стал предметом для изучения¹⁵⁰³. Идея о реставрации института частной геральдики в Российской Федерации пока потерпела полное фиаско.

¹⁴⁹⁹ Герб рода Ажаховых // Генеалогия Северного Кавказа. – 2002. – № 2. – С. 172–173; Герб рода Гетигежевых // Там же. – С. 174–175; Личные гербы россиян: миниатюрный альбом. – М., 2001 и др.

¹⁵⁰⁰ Личность XX века в геральдике. – М., 2001.

¹⁵⁰¹ Куров А. Недворянский родовой герб // Директор. – 2003. – № 7. – С. 41–45; Лавренов В.И. Герб – это больше, чем товарный знак, бренд и логотип // Реноме. – 2004. – № 7. – С. 22–25.

¹⁵⁰² Комаровский Е.А. Современная концепция церковных гербов России // Гербовед. – 1997. – № 15. – С. 95–99.

¹⁵⁰³ Ефимов П.И. Личные гербы в Республике Марий Эл // Вестник Марий Эл. – 2004. – № 1 (15). – С. 64–69.

Методический и информационный уровень работ по родовой геральдике заметно различался. Многие из них были подготовлены непрофессионально. Это относилось не только к популярным статьям, но и к текстам, претендовавшим на научный статус. К распространенным недостаткам относились историографическая неосведомленность, неточность описаний, ошибочность генеалогических сопоставлений. Историк медицины Э.Д. Грибанов опубликовал статью о гербе известного врача, профессора М.И. Барсукова¹⁵⁰⁴. В ней утверждалось о принадлежности М.И. Барсукову лейб-компанского герба, однако генеалогических подтверждений этому не приводилось, что вызывает сомнения в корректности идентификации. Тем более что владельцы герба хорошо известны. Им пользовались историки конца XIX – начала XX в. А.П., Н.П. и И.П. Барсуковы. А. Бордюговский, описывая герб дворян Ошаниных, без всяких оснований заявлял: «Представителем этого рода, вероятно, был и наш известный поэт»¹⁵⁰⁵. Сотрудник музея-заповедника «Ясная Поляна» Т.В. Комарова изучала хранящуюся в собрании матрицу печати и предприняла попытку проанализировать герб графов Толстых¹⁵⁰⁶. Основным источником для нее стала книга А.Б. Лакиера «Русская геральдика», но специальная статья С.Н. Тройницкого о потомстве Индриса¹⁵⁰⁷, в которой гербу Толстых уделялось самое пристальное внимание, осталась автору неизвестной.

Апофеозом генеалогического и геральдического невежества была брошюра К. Урусова¹⁵⁰⁸. Он не только приписал свой род к одноименным князьям, но и дал толкование герба последних, в котором сопоставления с тамгами кавказских народов причудливо интегрированы с мистическими экскурсами. Например, деление щита на 6 частей объяснялось философскими воззрениями народов Востока в древности. Они выделяли 6 элементов, которые сопутствуют человеку в земной жизни, а пятиконечная звезда, по мнению авто-

¹⁵⁰⁴ Грибанов Э.Д. Дворянский герб рода Барсуковых.

¹⁵⁰⁵ Бордюговский А. Указ. соч. – С. 17–18.

¹⁵⁰⁶ Комарова Т.В. Герб рода графов Толстых // Яснополянский сборник, 1992 г. – Тула, 1992. – С. 188–190.

¹⁵⁰⁷ Тройницкий С.Н. Гербы потомства Индриса.

¹⁵⁰⁸ Урусов К.С.-Б. К истории рода Урусовых. – М., 1993. – С. 41–44.

ра, в древности олицетворяла 5 континентов (Европу, Азию, Африку, Америку и Австралию).

Наряду с подобными опусами появилось немало серьезных работ о конкретных дворянских гербах. В них содержатся принципиальные семантические и иконографические наблюдения, раскрывающие реалии их национального бытования. М.А. Добровольская и Е.А. Яровая продолжали изучать сфрагистическую коллекцию Эрмитажа и ввели в научный оборот несколько интересных для геральдического знания памятников¹⁵⁰⁹; среди них – обзор печатей императорской семьи, появление которого в советское время было бы невозможным по идеологическим причинам. Публиковались сфрагистические источники из собраний других музеев и частных коллекций¹⁵¹⁰.

Несколькими геральдическими публикациями ознаменовался юбилей А.С. Пушкина. Г.В. Ражнев посвятил специальное исследование¹⁵¹¹ княжеской шапке, изображенной в родовом гербе поэта. По мнению автора, эмблема семантически выражала кроме происхождения от прусских владетелей еще связь с Рюриком через смоленских князей. Целенаправленно анализировались геральдические мотивы в творчестве А.С. Пушкина¹⁵¹². Наблюдения эти вели

¹⁵⁰⁹ Добровольская М.А. Личные печати коллекции Н.Н. Щекатикина // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2011. – С. 216–217; Она же. Гербовые печати Г.С. Атаршикова в Эрмитаже // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 114–119; Она же. Д.А. Бенкендорф и его печати в коллекции Отдела нумизматики Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 2003. – С. 23–27; Она же. Печати графа А.А. Аракчеева в собрании Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Вып. 62. – СПб., 2004. – С. 144–148; Яровая Е.А. О мальтийском гербе графов Головкиных // ТГЭ. – Т. 61. – СПб., 2012. – С. 225–230 и др.

¹⁵¹⁰ Старинкова Е.В. Пушкин и вопросы геральдики. Печати Пушкиных в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина // Гербовед. – 2004. – № 78. – С. 131–141; Логинов О.П., Мишин В.В. Печатка с гербом рода Помян // Там же. – 2007. – № 99. – С. 48–63; Корпусова И.В. Печать И.Н. Инзова в собрании Одесского археологического музея НАН Украины // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. – Ростов н/Д, 2009. – С. 233–235; Лавренов В.И. Печать с гербом рода Корсаковых из собрания Тверского музея в контексте истории семьи // Род и семья в контексте тверской истории. – Вып. 3. – Тверь, 2009. – С. 192–197.

¹⁵¹¹ Ражнев Г.В. Чья княжеская шапка в гербе А.С. Пушкина? // Гербовед. – 1999. – № 37. – С. 70–74.

¹⁵¹² Королев Г.И. Геральдика в произведениях А.С. Пушкина // Гербовед. – 1999. – № 37. – С. 39–43.

к существенным литературоведческим выводам, открывая еще одну возможность междисциплинарного диалога научной геральдики. Литературовед В.П. Старк, обратившись к гербовым реминисценциям в произведениях В.В. Набокова, обнаружил связь между его романом «Bend sinister» и поэмой А.С. Пушкина «Домик в Коломне»¹⁵¹³. Творчество В.В. Набокова, содержащее многочисленные отсылки к геральдике, становилось предметом анализа неоднократно¹⁵¹⁴. В контексте литературоведческого интереса к биографии писателя-эмигранта проявлялось внимание к его родовому гербу¹⁵¹⁵.

Сохранялась традиционная связь геральдики с генеалогией. Во многих трудах по родословию конкретных семей появились разделы о гербах, которые содержали не только распространенные еще до 1917 г. описания гербов из «Общего гербовника», но и серьезный анализ, часто основанный на изучении письменных и вещественных источников¹⁵¹⁶.

К началу XXI в. изучение родового пространства характеризовалось двойственными тенденциями. С одной стороны, данное направление дискурса было реабилитировано и заняло адекватное место в системе геральдического знания. Обозначились приоритетные проблемы, некоторые работы продолжали лучшие традиции досоветского и европейского опыта. С другой стороны, источниковедческому и археографическому обеспечению исследований внимания уделялось недостаточно; отдельные начинания в области герботворчества оказались неудачны, конъюнктурны, отчасти скандальны. Негативные тенденции привели к дискредитации из-

¹⁵¹³ Старк В.П. Искаженное зеркало бытия: «Bend sinister» и «Домик в Коломне» // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67. – № 2. – С. 157–162.

¹⁵¹⁴ Воскресенский И. Герб Набоковых в подтексте романа «Машенька» // Набоковский вестник. – Вып. 4. – СПб., 1999. – С. 127–134.

¹⁵¹⁵ Набоков С.С. Герб Набоковых в русской геральдике // Набоковский вестник. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С. 167–170.

¹⁵¹⁶ Лопатин Н.В., Бессонов В.А., Заурдина С.Я. История рода Чебышевых. – Калуга, 2004. – С. 23–25; Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. – СПб., 2004. – С. 87–103; Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России. – М., 2005. – С. 16–20; Круковский А.Л. О гербе Стеблин-Каменских // Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские): опыт историко-генеалогического исследования. – СПб., 2005. – С. 18–21 и др.

ысканий о родовых гербах. Возник разрыв между потенциальными ожиданиями, возможностями направления и его реальным историографическим наполнением. В первые годы XXI в. количество работ снизилось.

Новым направлением отечественной научной геральдики, возникшим только в 1990-е гг., стало изучение корпоративных гербов. Становление этой страты геральдического пространства в России началось в конце XX в., поэтому большинство работ не претендовали на глубокий уровень обобщения и имели примитивную структуру, многократно опробованную еще в XIX – начале XX в. позитивистской методологией: история утверждения – описание – семантика. В отдельных случаях преобладал первый компонент триады, а геральдическая информация сводилась к минимуму, что делает принадлежность подобных публикаций к дисциплинарной историографии сугубо формальным. Тематически работы касались широкого круга учреждений и организаций: учебных заведений всех уровней, изданий, научных обществ¹⁵¹⁷ и т. д.

Особо следует отметить военную символику – раздел корпоративной геральдики, получивший наибольшее распространение и развитие благодаря целенаправленной государственной поддержке. Не касаясь состава тех символических, вексиллологических и фалеристических объектов, которые не вполне обоснованно причислялись в силовых ведомствах к сфере геральдики, необходимо указать на многочисленность созданных для структурных подразделений гербов (в частности, главных управлений Генерального штаба РФ, воинских соединений, кораблей и т. п.). Процесс герботворчества коснулся не только Вооруженных Сил, но и органов безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Федеральной пограничной службы и иных силовых ведомств. Как и в ситуации с гражданскими гербами, ра-

¹⁵¹⁷ Свищев П.А. Герб историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета // Гербовед. – 1998. – № 30. – С. 151–153; Журавков А.Ю. Большой герб Новосибирского дворянского собрания // Новосибирское дворянское собрание. – 2002. – № 1. – С. 131–132; Ражнев Г.В. Возрождающиеся Любавичи // Гербовед. – 2002. – № 55. – С. 69–75; Сметанников И.С. Герб и флаг Всероссийского геральдического общества // Там же. – С. 150–154; Герасимов В.Л. Символика Института военной истории // Там же. – 2007. – № 94. – С. 21–23; Федорченко С.Н. Герб факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета: история создания // Гербоведение. – Т. 3. – М., 2013. – С. 70–74.

ботам о военной символике присущи фактологичность и формальность геральдического компонента, однако в них более четко выразилось стремление к аналитике¹⁵¹⁸. Как правило, анализировался не герб или группа гербов, а состояние герботворчества в конкретном роде или виде войск (Ракетных войсках стратегического назначения, Военно-воздушных силах, казачьих войсках и т. п.)¹⁵¹⁹. С другой стороны, для создания конкретных гербов была разработана концепция так называемых «военно-геральдических знаков», ставшая для многих изысканий теоретико-методологической основой. Потребности в бытовании военных гербов обусловили правовые и пропагандистские акценты отдельных публикаций, а также постоянное перечисление задач, стоявших в определенный момент перед геральдистами.

Представление о состоянии и перспективах военно-корпоративной геральдики в конце XX в. дают материалы Первой научно-практической конференции, проведенной Генеральным штабом РФ в ноябре 1999 г.¹⁵²⁰. Она подвела итоги процессу изучения ведомственных гербов, показав их познавательную самодостаточность.

Однако анализ отечественной корпоративных гербов является пока стихийным, слишком тесно связанным с практикой, конъюнктурным разделом дисциплинарного знания, не ставшим предметом объективного, глубокого осмысления.

§ 5. Изучение истории геральдики

Наиболее показательной чертой современного знания стала обращенность к истории самой дисциплины. Часто изучение русской геральдической практики осуществлялось в контексте развития гербоведения. Субъективным фактором, влиявшим на такую постанов-

¹⁵¹⁸ *Медведев В.Н.* Концепция создания военной символики Вооруженных Сил Российской Федерации // *Гербовед.* – 1992. – № 2. – С. 132–135; *Он же.* Проблемы становления современной военной геральдики // *Там же.* – 1997. – № 13. – С. 43–46.

¹⁵¹⁹ *Агафонов О.В.* Актуальные вопросы практической работы по геральдическому обеспечению казачьих войск России // *Геральдика.* – СПб., 2002. – С. 10–16; *Деревщиков А.Б.* История создания и современное состояние системы геральдического обеспечения Федеральной пограничной службы России // *Там же.* – С. 26–31; *Герасимов В.Л.* О проектах гербов морской авиации России (рода сил и органа управления ВМФ) // *Гербовед.* – 2003. – № 65. – С. 36–37 и др.

¹⁵²⁰ Первая научно-практическая военно-геральдическая конференция ...